

Л. ЛАГИН

Атавия — крупнейшая страна капиталистического мира. Военно-монополистическая камарилья Атавии пытается спровоцировать третью мировую войну путем массированного ядерного залпа по собственным союзникам. Результат получился совершенно неожиданный...

В публикуемом эпизоде описываются злоключения самолета, который должен был доставить атавийского генерала, главнокомандующего Европейской армией Плэгуюя в его штаб, в Париж.

Рисунки В. КОВЕНАЦКОГО

1

Как и было предусмотрено планом генерала Бэрдля, самолет Плэгуюя оторвался от взлетной площадки точно в 21.00.

Спустя минуту после взлета аэродром погрузился в полную темноту. Аэродромы и зенитные установки Атавии уже четвертые сутки тщательно затемнялись.

Дежурный по аэродрому, довольный тем, что никаких неполадок при проводах такого незаурядного пассажира не произошло, зябко потер руки, зевнул, равнодушно, больше по привычке, нежели из любопытства, глянул вверх и, умиротворенный, ушел в свое помещение. Где-то над ним, сыто урча моторами, быстро набирал высоту самолет «питон-18», плоский, огромный, разлапистый, бесхвостый, похожий в одно и то же время и на камбалу, и на бумеранг, и на

летучую мышь. Из тупого угла, образованного обеими плоскостями, торчал наружу только острый и коротенький хвостик фюзеляжа, походивший на заостренный конец сигары. Над этим хвостиком возвышалась каплевидная башня с двумя скоростными пушками, охранявшими с тыла покой и сохранность особы главнокомандующего Европейской армией, который в самом спешном порядке следовал навстречу славе, бессмертию и окончательному покорению мира.

Самолет не находился еще в воздухе и полных трех минут, как Плэгуэю было доложено о непредвиденном усложнении обстановки: со всей аэронавигационной радиоаппаратурой творилось нечто несусветное, попытки связаться с землей ни к чему не приводили. Все указывало на магнитную бурю. В наушниках стоял сплошной треск, гул, рокот, визг; все это пронизывали то тоненькие, очень высокие, то баритоновые и даже басовые завывания. Шум никак не мог быть вызван случайной порчей радиоприемника, потому что и экраны радиолокатора тоже были сплошь засвечены, по ним скакали какие-то нелепые пятна, полосы, на мгновение экраны вдруг становились совершенно белыми, и вся свистопляска начиналась снова. Если бы можно было в точной научной терминологии широко пользоваться поэти-

Усиленно работаю над новым романом для взрослых и над повестью для детей. Роман, вероятнее всего, будет называться «Голубой человек», повесть — «Заколдованный класс». Если ничего непредвиденного не произойдет, закончу обе эти книги в ближайшее время. И тогда получится, что книги для детей я пишу раз в двадцать пять лет: «Старик Хоттабыч» написан мной и впервые опубликован в 1938 году.

Одновременно исподволь подготавливаю к переизданию мой роман «Атавия Проксима». Очень много правлю и вычеркиваю, очень мало вписываю нового. «Полет в никуда» — единственный новый эпизод этого романа.

Матин

ческими сравнениями, тогда то, что творилось в эфире, было бы куда правильней назвать не магнитной бурей, а магнитным штормом, тайфуном, ураганом.

Так как подобные магнитные возмущения в эфире продолжаются обычно от двух-трех часов до двух-трех суток, штурман предложил, пока они еще находятся вблизи аэродрома отправления, немедленно возвращаться. Подать сигнал ракетами, потребовать приготовить посадочную площадку и сесть. Учитывая драгоценность особы генерала Плэгуэя, штурман считал слишком рискованным пускаться при такой густой и низкой облачности в трансатлантический перелет без современных радиоприборов. На такой же точке зрения стоял и командир самолета подполковник Вейланд Аверелл Линч.

Плэгуэй сразу догадался об истинной причине того, что заварилось в эфире, хотя за ревом моторов никак не мог расслышать отдаленного грохота сплошного взрыва, три минуты назад одновременно опоясавшего всю Атавию.

Конечно, благоразумней всего не пускаться в путь без действующей радиоаппаратуры. Но, во-первых, следовало во что бы то ни стало торопиться в Европу, где с минуты на минуту должны были разыгаться первые и решающие этапы третьей мировой войны. А во-вторых, и с этим вынуждены были согласиться и штурман и подполковник Линч, самолеты летали и до изобретения радиолокации и вообще радиосвязи.

— Летали ли люди до изобретения радиолокации? — язвительно осведомился генерал.

Все члены экипажа «питона-18» находились на своих боевых постах. В длинной кабине без окон, кроме Плэгуэя и его чемоданов, прикорнули в разных ее уголках пять офицеров, составляющих свиту генерала. Они собирались вздремнуть, но увидели, что генерал с кем-то ведет беседу, то и дело поправляя давивший его толстую шею ларингофон. Содержания беседы им не дано было знать, потому что ни у кого из них, кроме старшего адъютанта, вообще не имелось шлемофонов, а невооруженным ухом ничего нельзя было расслышать в кабине из-за грохота моторов, толкавших всю эту огромную дюралевую махину через океан, через тысячи километров, на восток, во Францию.

— Летали, господин генерал, — услышал Плэгуэй голос подполковника Линча.

— Вы ничего не слышали насчет такого прибора, как гирокомпас?

— Слышал, господин генерал. У нас на борту имеется гирокомпас.

— И вы умеете им пользоваться?

— Я хотел только сказать, господин генерал, что в условиях...

— Надеюсь, штурман тоже умеет пользоваться гирокомпасом? — перебил его Плэгуэй.

— Майор Швайншмерц — один из лучших штурманов нашей авиации!

— Ну, вот и отлично. И не мешайте мне спать. Мне завтра предстоит уйма работы.

— Желаю вам спокойной ночи, господин генерал.

— Вот это разговор, достойный атавийского пилота!

— Билл! — подполковник нажал кнопку переговорного устройства, соединяющую его со штурманской рубкой. — Билл, генерал спросил меня, умеешь ли ты пользоваться гирокомпасом.

— А ну его! — рассердился Швайншмерц. — В конце концов почему я должен больше него беспокоиться о его же безопасности!

— Вот это разговор, достойный атавийского штурмана! — похвалил его Линч. — Набираю высоту, Билл, вхожу в сплошную облачность.

— Валай, — отвечал ему из своей рубки майор Швайншмерц. — Курс прямо на ост, и нужно приложить неслыханные усилия, чтобы сбиться с такого курса.

— Спасибо за доверие, сынок!

Они были с майором однолетки, вместе летали на бомбежках в Корее, вместе кутили в Токио и Париже, вместе любовались своими фотографиями во многих и многих газетах и журналах, потому что они были чрезвычайно прославленные асы. Впрочем, это и так понятно: первому встречному никогда не доверили бы такой ответственный рейс.

На всякий случай Линч проверил правильность показаний гирокомпаса по звездам. В других условиях это было бы таким же ненужным времяпрепровождением, как проверять таблицу умножения. Но рейс начался нелепо, и подполковник Линч решил потратить несколько лишних минут на не менее нелепое дело.

Пришлось пробиваться сквозь почти шестикилометровую толщу туч, чтобы выбраться в чистое небо. Луна еще не восшла. Гирокомпас, как и следовало ожидать, в точности совпадал с привычными звездными ориентирами. Слева по борту, на траверсе, чуть ниже полпути к зениту, точно там, где ей полагалось, то есть на 42-м градусе, блистала Полярная звезда.

Затем Линч, посмеиваясь над своей глупой недоверчивостью к гирокомпасу, снизился до четырех километров и продолжал путь в западном направлении.

Крошечный вороненый самолетик, служивший стрелкой на приборе «искусственный горизонт», показывал, что они идут строго параллельно земле.

Сколько раз потом выпытывали у подполковника Линча, почему он повел самолет сквозь непроглядную гущу туч, когда проще было бы держаться над ними, ориентируясь по астрономическому компасу. Линч объяснял это тем, что у него якобы было какое-то особенное предчувствие. Возможно, что он, озлобленный на Плэгую, заставившего его продолжать опасный путь без радиоприборов, действовал по знаменитому принципу «пусть мне будет хуже».

Что до самого генерала, то он, как и полагается в такие минуты деятелю его масштаба, был весь, по самую свою макушку, погружен в размышления исторического порядка.

И вдруг омерзительное чувство падения в бездну прервало ход мыслей полузадремавшего генерала. Он уже не раз испытывал подобные ощущения: воздушные ямы попадаются на пути следования даже таких высокодоверенных и высокооплачиваемых деятелей Атавии. Но обычно этих ям хватало на доли минуты... А сейчас...

Выждав сколько следует, чтобы не выглядеть трусом в глазах пилота, генерал нажал кнопку переговорного устройства и услышал хриплый голос командира корабля:

— Подполковник Линч слушает.

— У меня такое ощущение, будто мы падаем.

— Так точно, господин генерал, я не решался вам раньше времени докладывать об этом...

— Падаем?.. Мы падаем на землю?! — Тецерь настала очередь охрипнуть Плэгуэю.

— Никак нет, господин генерал. В том-то и дело, что никак нет.

— То есть как это нет?.. Значит, мы не падаем?

— Мы падаем... но только не на землю... Кажется, мы падаем на небо, господин генерал.

2

Минут за пять до этого удивительного разговора Линч, бросив ленивый взгляд на гирокомпас, удостоверился, что самолет летит правильным курсом. Стрелка компаса показывала прямо на ост. Очень приятно! Подполковник Линч ничего иного и не предполагал.

Он бросил еще более ленивый взгляд на прибор «искусственный горизонт» и тут же облился с головы до ног холодным потом: стрелка этого прибора, изображавшая крохотный вороненый самолетик, рванулась вниз и распласталась у самой нижней кромки шкалы. Это могло означать только одно: самолет, не игрушечный самолетик-стрелка, а настоящий, тот самый, которым командовал подполковник Линч, стремительно падал. Мы не говорим, что он падал вниз, так как вскоре выяснилось, что можно падать и вверх. А гирокомпас как ни в чем не бывало по-прежнему показывал, что самолет идет прямо на ост. Это было необычно, непостижимо, противоречило простейшей логике, и все же это было именно так.

Но времени на то, чтобы предаваться удивлению, у Линча не оставалось. Надо было попытаться выровнять самолет, если это еще окажется возможным. Вероятней всего, они уже так близко от поверхности земли, что выровнять не удастся...

Ему удалось выровнять самолет. Он блаженно вздохнул и позволил себе вытереть лоб. Показания гирокомпаса и «искусственного горизонта» были, наконец, приведены в соответствие. Однако, когда Линч уже поднес руку к кнопке, чтобы попытаться уяснить со Швайншмерцем, что это за чертовщина получилась с обоими приборами, стрелка альтиметра вдруг пулей взвилась вверх, и это означало, что и самолет свечой, чуть ли не по вертикали, взмывает вверх.

Их вышвырнуло из мощного слоя туч в чистое звездное небо, и облачность осталась у них ПОЗАДИ, не под ними, как следовало ожидать, а именно ПОЗАДИ, в самом буквальном и неожиданном смысле этого слова. Она высилась мрачной, бескрайней, чуть розовеющей снизу ВЕРТИКАЛЬНОЙ стеной.

Стрелка альтиметра показывала высоту в двенадцать с лишним тысяч метров. Слева по борту буднично и спокойно сияла Полярная звезда. Большая и Малая Медведицы, как всегда, мирно и без видимых результатов черпали своими бездонными блистающими ковшами темно-синюю, почти черную плоть небосвода. Привычно взвивалось четырехглазое созвездие Дракона. Впереди добродушно помаргивали старые знакомые — звезды Ориона, Близнецов, Льва, Большого и Малого Псов.

«Хорошо, что хоть со звездами все обстоит нормально», — подумал с некоторым не очень веселым юмором подполковник Линч и секундой спустя убедился, что поспешил со своим оптимистическим выводом.

«Вот я и спятил!» — пробормотал он с каким-то горьким удовлетворением и устало откинулся на спинку кресла.

Внизу, прямо внизу под самолетом, там, где следовало ожидать пелену облаков или чистую землю, Линч, его второй пилот и оба штурмана тоже увидели ЗВЕЗДНОЕ НЕБО, бескрайнюю, темно-синюю звездную бездну, и это был первый случай в истории человечества, когда люди смогли одним взглядом окинуть не половину (обычно даже меньше половины), а почти всю звездную сферу.

Но это не все.

Прямо под собой в быстро светлеющей бездне они увидели гигантский белоснежный серп какого-то неведомого небесного светила. Оно было по меньшей мере в пятнадцать, а то и в двадцать раз больше видимых размеров Луны и казалось настолько близким, что чудилось, вот-вот самолет со страшным, душу выматывающим скрежетом коснется его верхнего острья, и тогда и от самолета и от его экипажа и пассажиров даже пыли не останется.

Гирокомпас с идиотским упорством продолжал показывать, что «питон-18» летит курсом на ост, альтиметр показывал предельную высоту, «искусственный горизонт» — что они стремглав летят вниз, и физически все на самолете испытывали тошнотворное чувство быстрого проваливания в пропасть, а видели они, что падают не вниз, а вверх, в глубину быстро светлеющей бездны, на дне которой белел, так же быстро теряя в яркости, неправдоподобно огромный серп загадочного светила.

Как раз в этот волнующий миг Линч и услышал в наушниках своего шлемофона раздраженный голос генерала.

— Мы падаем... Мне кажется, что мы падаем на небо, господин генерал, — сказал, как мы помним, одуревший от обилия навалившихся на него впечатлений подполковник Линч.

— Оказывается, вы шутник, подполковник.

— Никак нет, господин генерал... Вы себе не можете представить!.. Генерал, это похоже на дурной сон!

Плэгуй ввалился в кабину пилотов в своем непомерно большом шлемофоне, облекавшем его розовое, идеально выбритое лицо, словно капор. На распахнутый китель свисали шнуры ларингофона, ошейником обхватывавшего его плотную шею.

Пилоты не заметили появления генерала. Свесившись со своих кресел и почти соприкасаясь головами, они растерянно смотрели на необычную картину прямо под их ногами, по ту сторону толстого слоя плексигласа, который отделял кабину от ледяного и разреженного воздуха субстратосферы.

Первое, что заметил генерал, глянув в том же направлении, насколько это позволяли головы обоих пилотов, был свет. Он брезжил снизу в кабину. Не сильный и не похожий ни на лунный, ни на электрический, но, конечно, и не солнечный. В тринадцать минут десятого вечером двадцать первого февраля на сорок втором градусе северной широты ожидать солнечного света мог только полный безумец или двухлетний ребенок.

— Я себя чувствую словно в оборвавшемся лифте, — промолвил генерал, позабыв, что могучий рев моторов исключал возможность разговора без помощи специальных приспособлений.

Сам не расслышав собственного голоса, он искал, как бы тут подключиться к переговорному устройству, не смог разобраться в обилии разноцветных и разнокалиберных розеток и, чтобы привлечь к себе внимание, дотронулся до плеча одного из пилотов. Пилот поднял голову. Это был Линч.

Вероятно, то, что он видел под своим самолетом, начисто затормозило у него условный рефлекс субординации и чинопочитания. Он не встал с кресла, не предложил его Плэгуйю, не кинулся включать в розетки переговорного устройства штепселя генеральских шлемофона и ларингофона, не отрапортовал, как положено по уставу, об обстановке. Не вставая с кресла, точно перед ним был не главнокомандующий Европейской армией, а старый его собутыльник, он обнял генерала и пригнул его голову к прозрачному полу кабины. Только после этого он занялся шнурами его переговорных приспособлений.

Теперь и Плэгуй убедился, что можно, испытывая все неприятные ощущения, сопутствующие стремительному падению, падать при этом не вниз, на землю, а вверх, в небо.

— Что это значит, Линч? — спросил Плэгуй таким тоном, точно все, чему он сейчас был свидетелем, явилось плодом незначительности командира воздушного корабля.

Линч не ответил.

— Что это за громадный серп? — продолжал Плэгуй. — Неужели Луна?

— Луна во-он где, — отозвался Линч и снова с полнейшей бесцеремонностью повернул генерала головой направо.

Там генерал увидел сразу два светила. Одно из них условно было Луной. Второе слепило глаза, хотя оно еще только-только возникало из-за горизонта. И это светило безусловно было Солнце. Солнце — в четверть десятого, вечером, зимой!

— Вы что-нибудь понимаете? — крикнул генерал, хотя в шлемофон хорошо слышен и шепот.

Линч отрицательно покачал головой.

— Откуда сейчас солнце?

Линч молча пожал плечами.

— Где мы находимся? Приблизительно, конечно.

— Если это действительно солнце и оно действительно восходит, то мы, видимо, уже где-то над Советским Союзом... Хотя, по совести, я никак не возьму в толк, как мы проделали такой путь за четверть часа...

— Назад! — закричал Плэгуэй, хотя в шлемофон, повторяем, слышен был и легчайший шепот. — Немедленно поворачивайте назад вашу колымагу!.. Этого еще не хватало!..

— Слушаюсь, господин генерал, — с готовностью отвечал подполковник.

Но только он взялся за ручку штурвала, как Плэгуэй, побуждаемый какой-то внезапно осевшей его идеей, командовал:

— Отставить!

— Есть отставить! — послушно отозвался удивленный подполковник.

— У вас есть с собою фотоаппарат? — спросил генерал.

— Гарри, — сказал Линч второму пилоту, — дай генералу мой аппарат.

— Значит, никто из вас не знает, что это за серп и как он называется? — переспросил генерал и сделал один за другим четыре снимка, норовя захватить в объектив сразу все три светила, видневшиеся под самолетом. Затем он несколько раз заснял один только таинственный серп.

— Не думаю, чтобы хоть кто-нибудь на земле мог дать ответ на наш вопрос, — ответил Линч за себя и своего помощника. — Разве только какие-нибудь особенные специалисты. Хотя весьма сомнительно, чтобы такая большая сенсация могла оставаться тайной больше получаса.

— Вы все-таки на всякий случай проверьте у штурманов.

— Билл, — нажал кнопку переговорного устройства подполковник Линч, — генерал интересуется, известно ли вам, штурманам, что это там за рогатая штука торчит прямо по носу?.. Угм!.. Угм... Ну, конечно, конечно, разве другого ответа можно было ожидать от такой глубоко просвещенной особы!.. Он говорит, господин генерал, что теряется в догадках. Единственно, в чем он твердо уверен, так это в том, что ни один другой штурман во всей военной и гражданской авиации Республики Атавии и всего мира не смог бы сказать по этому вопросу больше него, то есть он хочет сказать, больше майора Билла Швайшмерца.

— В таком случае я единственный человек, знающий, что это небесное тело называется «Литтл Атавия», потому

что именно так я его и называю на правах первооткрывателя. Приказываю вам, господа офицеры, быть свидетелями, а штурману Швайншмерцу зафиксировать в надлежащей форме и выражениях в бортовом журнале самолета, что, — генерал посмотрел на свои часы, — двадцать первого февраля сего года, в двадцать один пятнадцать генерал Плэгуэй открыл неизвестное доселе небесное светило, названное им в честь Атавии «Литтл Атавия». Поздравляю вас, господа, с тем, что вам выпало счастье и честь быть свидетелями нового завоевания атавизма! Да поможет нам бог!

— Амины! — ответили пилоты, а подполковник Линч, кроме того, нетерпеливо спросил:

— Теперь можно поворачивать?

— Поворачивайте с богом, — ответил генерал, преисполненный самых набожных мыслей. Он считал, что если бог вдруг и в самом деле существует, то он, генерал, показал себя неплохим атавийцем...

Так, двадцать первого февраля, в двадцать один час пятнадцать минут атавийским генералом Плэгуэем с борта атавийского тяжелого четырехмоторного самолета «питон-18» была открыта и запечатлена в бортовом журнале, во славу атавизма, под названием «Литтл Атавия», то есть «Маленькая Атавия», планета довольно хорошо и давно известная человечеству под названием «ЗЕМЛЯ».

3

Опять взлет и физическое ощущение падения в пропасть. «Искусственный горизонт» поднялся до нормы, альтиметр показал предельную высоту, и вдруг снова ПРЯМО ПОД САМОЛЕТОМ развернулась звездная бездна. Но на сей раз в ней не было ни Луны, ни Солнца, ни Земли. Сейчас прямо под ними на дне черно-синей ямы лежали Большая и Малая Медведицы, созвездия Дракона, Геркулеса, Волопаса, Змея, Девы, Лиры. «Питон-18» камнем падал вверх (а может быть, это надо было уже назвать «вниз?»), на Полярную звезду.

А судя по гирокомпасу, они по-прежнему держали курс на ост.

И вот, когда Плэгуэй, на которого, как на старшего по званию и положению, легла вся ответственность за принятие решения, совсем было потерял голову и собрался приказывать, чтобы снова поворачивали назад (хотя куда, собственно, поворачивать и зачем, было непонятно), все вдруг само по себе встало на место. Небо, как ему и положено спокон веков, все собралось над самолетом, внизу снова угадывалась верхняя кромка безбрежного моря облаков, «искусственный горизонт» успокоился на средней линии, Полярная звезда как ни в чем не бывало заняла свое обычное место, на этот раз справа по борту.

Несколько минут все в кабине — и оба пилота и генерал — молчали, напряженно вглядываясь в небо — не упадет ли оно им снова под ноги. Небо пока что не падало.

Но надолго ли оно останется на месте? Какую еще фантастическую неожиданность таило в себе это видимое споконствие? А вдруг самолет ни с того ни с сего перейдет в вечный штопор и будет в таком виде вертеться, пока не рассыплется на части? А что, если он будет продолжать свой полет боком, на крайнем ребре крыла, или хвостом вперед? Или вдруг из-за какого-нибудь созвездия вышвырнет им навстречу Сатурн и они с лету врежутся в его кольца?

Но время шло, никаких происшествий не происходило. Все приборы, кроме бездействовавших радиоприборов, работали исправно и безотказно. Правда, гироскоп показывал, что самолет идет курсом не на ост, а на вост, но в этом не было ничего удивительного, потому что они летели ведь сейчас обратным курсом. Надо было принимать решение насчет дальнейшего пути: с каждым мгновением — и это было ясно и пилотам, и штурманам, и генералу — они, очевидно, все больше удалялись от берегов Франции.

Плэгуэй вопросительно оглянулся на Линча. Линч сидел, непринужденно откинувшись на спинку кресла, и смотрел на генерала с почти нескрываемым злорадством. Всем своим видом он недвусмысленно показывал, что с себя лично он всякую ответственность за полет в таких идиотских условиях снимает и что пускай господин генерал, если ему придет в голову дельная мысль (что весьма сомнительно), сам отдает приказания, и он, подполковник Линч, пожалуй-ста, как дисциплинированный офицер, будет их выполнять, сколь бы нелепы и бесполезны они ни были.

Ну и влипли же они в кашу по милости этого проклятого генерала!.. Следовало сразу, как только началась чертова магнитная буря, во что бы то ни стало, не считаясь ни с каким риском, немедленно идти на посадку...

Непривычное чувство горькой легкости, дурманящее волю, сознание полной обреченности, освобождающее от утомительных и бесполезных попыток спасения, на некоторое время овладело им. Подполковник Линч был слишком лакеем, чтобы взбунтоваться по-настоящему, именно поэтому он и упивался беспомощностью положения, в котором находился его столь высокопоставленный и всемогущий начальник.

Часы на пульте перед Линчем показывали двадцать один час двадцать три минуты. Неужели с момента взлета с аэродрома прошло меньше получаса? Он проверил по своим ручным часам и удостоверился, что именно так дело и обстояло.

— Ну? — буркнул Плэгуэй, не выдержав затянувшегося молчания.

— Я слушаю вас, генерал, — отвечал Линч с подчеркнутым повиновением.

— Что вы собираетесь предпринимать?

— Я жду ваших приказаний, господин генерал.

Плэгуэй сделал вид, будто не понял издевательского характера этого ответа.

— Может быть, стоило бы пробиться под тучи и ориентироваться по местности?

— Слушаюсь, господин генерал.

— Да постойте вы! — рассердился генерал, видя, что командир самолета с вызывающей исполнительностью взялся за штурвал. — Хотелось бы раньше узнать ваше мнение, стоит ли это делать.

Линч с такой же готовностью выпустил из рук штурвал.

— Полагаю, сударь, что это было бы не очень резонно. Под нами или океан, или, чем черт не шутит, суша, неизвестная нам часть суши.

— Ничего не понимаю! Разве нельзя определить по каким-нибудь наземным ориентирам?

— Я не очень доверяю нашим приборам. Конечно, не всегда, а только сейчас, после всего того, что мы только что пережили. Нас могут свободно подбить наши же собственные зенитные батареи, если мы не над океаном. Поэтому что теперь опасно верить и гироскопу.

— А разве нельзя сначала хоть приблизительно определиться по звездам? Астрокомпас в порядке?

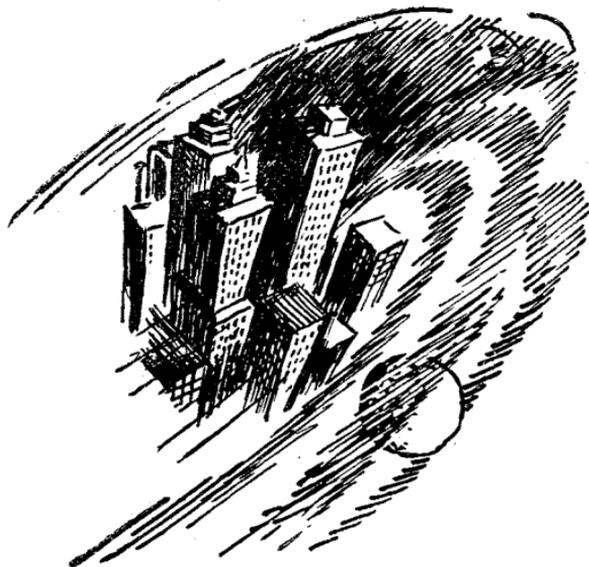
— Боюсь, господин генерал, что звезды не в порядке.

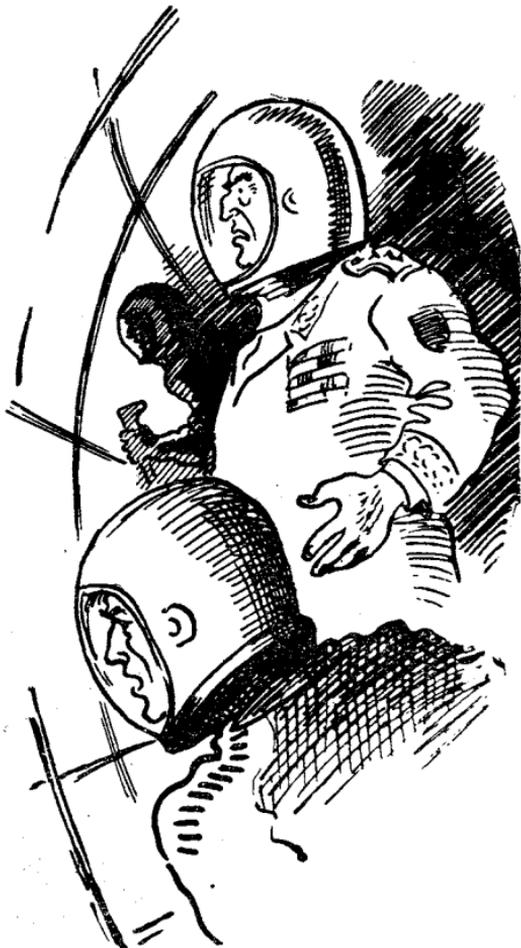
— Остроумно сказано! Давайте все же попробуем.

— Слушаюсь, господин генерал... Билл! — Линч соединился с Швайншмерцем. — Надо срочно определиться по звездам. Займитесь этим делом оба и порознь. А я пока буду совершать круги.

И самолет стал кружить в холодном и мрачном черном небе в ожидании результатов расчетов, которые в штурманской рубке спешно производили Швайншмерц и его помощник.

Видимо, у них что-то не клеилось. Они сделали все необходимые расчеты, и один раз и другой тщательно проверили расчеты, и снова принялись за таблицы.

— Вам не кажется, что следовало бы выбирать для своего самолета более опытных штурманов? — съязвил Плэгуй.

— Несправедливо сказано, господин генерал. Мы с ними проделали всю корейскую кампанию. Они отличные штурманы.

— Сомневаюсь... Так что же у них там получается, если это не тайна?.. Звезды в порядке?

— В порядке, господин генерал... Звезды в порядке... Но Луна... Я разрешаю себе исходить из бесспорной предпосылки, что астрономические таблицы не заслуживают никаких сомнений и не могут испортиться...

— Короче! Прошу вас, ко-ро-че!

— ...С Луной что-то не совсем ладно...

— Да не выражайтесь вы загадками, черт вас побери! Говорите точнее и короче!

Видно было, что Линч не на шутку огорошен тем, что ему доложили штурманы, и это никак не прибавляло генералу спокойствия.

— Я предполагал, господин генерал, вернее, я позволил себе шутливо утверждать, что не совсем в порядке звезды. Так вот: если ориентироваться по звездам, то все в порядке... Но если ориентироваться по Луне...

— Боже, да говорите же!..

— Какая-то чертовщина, — пожал плечами обескураженный подполковник Линч. — Единственный разумный вывод, который можно сделать, если исходить из предпосылки, что астрономические таблицы не врут... Словом, все расчеты показывают, что мы находимся на высоте **ОКОЛО ШЕСТИДЕСЯТИ ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ НАД УРОВНЕМ МОРЯ...**

4

Последующие расчеты неизменно приводили к тому же несуразному итогу.

У Плэгуэя мелькнула мысль, что штурманы лишились рассудка. Но в таком случае почему у них, работавших порознь, роковым образом получались одинаковые цифры?

— Будем снижаться? — спросил он у помрачневшего Линча.

— Боюсь, что у нас нет другого выхода. — Линч отвечал не очень уверенно. — Может быть, нам как-нибудь удастся приземлиться... В крайнем случае будем летать под нижней кромкой облаков, пока не успокоится магнитная буря, потому что ведь должна же она когда-нибудь закончиться, будь она трижды проклята!.. Разрешите пробиться к земле?

— Шестьдесят тысяч километров вниз по прямой?! — хихикнул генерал. — Вам не кажется странным, что мы удерживаемся на такой высоте? До сих пор я был убежден... Меня учили в школе, что на высоте, и в тысячу раз меньшей, не то что самолет, даже паутинка не может удержаться. А вас разве этому не учили?

— Меня учили, что и падать на Луну не менее немислимо...

Они пробились сквозь толщу облаков и совсем близко, не более чем в двух километрах под собою, увидели несколько больших скоплений мерцающих огней, соединявшихся тоненьким двойным светящимся пунктиром. Все это никак не походило на звездное небо. Нетрудно было догадаться, что самолет сравнительно низко пролетает над какими-то населенными пунктами, а тоненький двойной пунктир был двумя рядами фонарей, освещавших дороги между ними.

— Сколько мы потратили на снижение, подполковник? — воспрянул духом Плэгуэй. Голос его был полон яда.

— Четыре минуты, господин генерал.

— Займемся простейшей арифметикой: делим шестьдесят тысяч на четыре. Получается пятнадцать тысяч?

— Так точно. Пятнадцать тысяч.

— Помножаем пятнадцать тысяч на шестьдесят. Получаем часовую скорость, равную девятистам тысячам километров. Не так ли, подполковник?

— Так точно, — отвечал Линч, — девятьсот тысяч.

— И вы будете после всего этого утверждать, что ваши штурманы не наделали в своих расчетах самых идиотских ошибок? — не унимался Плэгуэй.

— Я не знаю, как это произошло, — устало отвечал Линч, окончательно сбитый с толку, — только что касается квалификации моих штурманов, то...

Однако закончить фразу ему на этот раз не удалось. Одновременно слева и справа по борту на земле беззвучно вспыхнули десятка два багровых всполохов.

— Ого! — пробормотал он, с силой дернув на себя штурвал. — Узнаю знакомую картину.

Но прежде чем самолет успел скрыться в спасительном мраке облаков, они увидели, как и внизу, на земле, все также погрузилось во мрак, и сразу в радующем отдалении от самолета с ослепительным пламенем грохнули разрывы двух десятков зенитных снарядов.

— Молодцы зенитчики! — пробурчал Линч, с шумом выдыхая из себя воздух.

Дальнейших залпов не последовало, потому что радиолокация все еще бездействовала. Зато в небе стремительно рыскали толстые и бесплотные щупальца прожекторов, выхватывая из низкого облачного неба расплывчатые желтоватые непрозрачные дымчатые круги.

— А теперь что? — спросил генерал, глядя в ветровое стекло кабины, за которым ровным счетом ничего не было видно. — Можете быть уверены, на тысячи километров в округе уже объявлены затемнение и воздушная тревога!

— Поднимемся за верхнюю кромку облачности и будем там летать.

— Покуда не иссякнет горючее?

— Или покуда не утихомирится магнитная буря, господин генерал.

— Успокоительная перспектива, нечего сказать!

— К сожалению, ничего более приятного предложить не могу, господин генерал, — снова ожесточился подполковник Линч.

— Ну что ж, — скривил губы Плэгуэй, — полетаем.

И отправился отдохнуть.

Был на исходе второй час с момента их отрыва от взлетной дорожки...

Они проплутали после этого в воздухе еще девятнадцать с лишним часов. Пять раз пытались пробиться вниз, под облака, чтобы определиться по местности, и все пять раз еле уносили ноги.

Когда спустились ранние сумерки двадцать второго февраля, горючее у Линча было на исходе.

Плэгуэю, как старшему по чину и положению, было предоставлено печальное право определить, каким образом принять им всем неминуемую и сейчас уже вплотную приближившуюся кончину: от зенитных снарядов, от пулемет-

ного или пушечного огня истребителей или в результате заранее обреченной на катастрофу посадки на первом попавшемся поле или пустыре.

— Орудия и пулеметы изготовить к бою! — скомандовал Линч.

Из башен (две на крыльях, две под крыльями и одна хвостовая) доложили о готовности к бою.

Они были на полпути к нижней кромке облаков, когда в радиорубке вдруг грянул джаз. Разухабистые синкопы рок-н-ролла загремели с такой силой, что у радиста чуть не лопнули барабанные перепонки. Это был радиомаяк. Магнитная буря прекратилась так же внезапно, как и началась.

Потребовалось несколько мгновений, чтобы определить, что это атавийский маяк на атавийской территории, и немногим больше, чтобы договориться с ближайшим аэродромом.

Вскоре они благополучно снизились, проплыв над Атавией в общей сложности свыше двадцати одного часа. Они привезли с собой фотографии нового небесного светила, открытого генералом Плягузем и в высшей степени патристично названного Маленькой Атавией, и подробный отчет о первых двух часах полета, который должен был перевернуть вверх дном многие привычные представления о небесной механике и строении солнечной системы.

Но сейчас Атавии, которая все еще не знала, что она сама стала новым небесным телом, было не до походов и открытий генерала Плягуэя и его свиты.

Страна была охвачена паникой.

Итак, вот что произошло в результате ядерного запала, организованного незадачливыми атавийскими страгегами. Атавия вместе с прилегающей к ней небольшой страной Полигонией оторвалась от Земли и на высоте шестидесяти тысяч километров превратилась в самостоятельное небесное тело — плоское, со средней толщиной сорок-пятьдесят километров. Вокруг этого выброшенного в пространство тела и плутал самолет с атавийским генералом на борту.